

Марина Шехватова

ЖЕЛТЫЙ КОНВЕРТ

Марина Шехватова

Желтый конверт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23303833

ISBN 9785448377679

Аннотация

Жизнь Ани, единственной дочери высокопоставленного чиновника, легка и беспечна. Девушка ни в чем не знает отказа и занимается тем, что ей нравится. Обладая незаурядным талантом и многочисленными дарованиями, она живет в мире иллюзорных представлений, мало заботясь об окружающих и не думая о будущем. Но жизнь не терпит постоянства, и внезапная утрата становится для Ани тяжким испытанием.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	34
Глава 8	36
Глава 9	39
Глава 10	43
Глава 11	45
Глава 12	50
Глава 13	54
Глава 14	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Желтый конверт

Марина Шехватова

*Посвящается Анне Долгаревой
(Лемерт)*

*Не смотри в прошлое – ты там уже был и все
видел,
иди вперед – там будет интереснее.*

Дизайнер обложки Лиза Гвоздева

© Марина Шехватова, 2017

© Лиза Гвоздева, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-7767-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Лето. Июнь.

Хорошо спать с открытым окном.

Тихий шелест листвы. Солнечные блики. Отдаленный гул голосов. Детский смех.

Если не открывать глаза, можно представить себя на берегу моря.

Шум прибора... Ласковый ветерок... Детский смех...

Детский смех... Детский смех?!

Аня быстро вскакивает с кровати и через две секунды оказывается у окна. Во дворе – детский сад. Ребятишки позавтракали и вышли на прогулку. На будильник даже не хочется смотреть. Джинсы. Блузка.

Да, еще ванна по пути.

Пробегая мимо кухни, девушка привычным движением собирает волосы в нечто похожее на малярную кисть.

– Аня, ты же еще спишь!

Мама слышит звук хлопнувшей двери, и на смену удивлению приходит чувство абсолютной и безнадежной уверенности в том, что завтракать придется одной.

Через несколько минут прохожие увидят летящую по аллее сквера юную стройную красавицу. Кто-то обернется и посмотрит вслед. Кто-то удержит на время воздушный образ в сознании. Кто-то и вовсе не обратит внимания. Но когда Аня откроет дверь студии звукозаписи, люди уже вернуться к своим мыслям, так неожиданно ею прерванным.

Женщина лет пятидесяти читает на скамейке. Она откладывает книгу.

Куда спешит это очаровательное создание? Что ждет в дальнейшем девушку? Полетит ли она безмятежно навстречу мечтам или ударится о скалы судьбы и упадет?

Люди порой проходят мимо, задевая друг друга то сумками, то рукавами одежды, они сидят рядом в транспорте, проводят в одном помещении по несколько часов кряду, но расстояние между ними больше, чем расстояние между галактиками. Параллельные миры, замкнутые в собственном одиночестве и трепетно его оберегающие. И однажды неведомая чудодейственная сила заставляет их приблизиться к точке пересечения. В то же мгновение Вселенная преобразуется. Рождаются новые миры, способные влиять на судьбы десятков, сотен, а иногда и миллионов других им подобных. Гении и открытия, достижения в науке и творчестве, неминуемые разрушения и великие созидания – нескончаемая река жизни. Но хватит ли мощи этой силы, чтобы соединить двоих?

Женщины встречаются взглядами. Аня недовольно хмурит бровки и летит дальше, не замечая подаренной ей улыбки.

Она врывается в студию:

– Всем привет!

В студии повисает подозрительная тишина. Музыканты и звукорежиссер одновременно поворачиваются к Ане и как-то тоскливо на нее смотрят. Звукорежиссер безмолвно корчит комическую гримасу ужаса.

Девушка замирает у входа, не сводя глаз с человека, стоящего к ней спиной. Он оборачивается:

– Ты с какой звезды смотришь на нас? Сними очки примы.

Мы пока еще на грешной земле.

Его тихий голос звучит для Ани раскатами грома.

– Мы, к твоему сведению, отстаем от графика записи.

А завтра, если ты еще помнишь, мы отправляемся на фестиваль. Участие в нем обязательно.

Для убедительности Олег произносит слово «обязательно» по слогам и продолжает:

– Там будут люди, которые решают судьбу вот таких...

От возмущения пропадают слова.

– Олег, да я банально проспала!

В его взгляде недоумение.

– У вашей светлости нет будильника?

Ане неловко.

– Я с ним поссорилась.

– И убила.

– Нет... Стукнула пару раз.

Кто-то хихикает: «Страшная месть будильника».

Олег резко поднимает руку:

– Тихо! Шутники...

– Олег, прости меня.

– А что мне остается делать? Все. Начинаем запись.

Аня надевает наушники.

Откровенно говоря, популярность группы давно уже перешагнула границы города. Несколько побед на конкурсах и фестивалях. Приглашения для участия в концертах. И наконец, запись диска.

Своими успехами группа во многом обязана женскому вокалу. Аня обладает редким по красоте тембром, а артистизм исполнения мало кого оставляет равнодушным. Плюс тонкий музыкальный вкус и необыкновенно красивые аранжировки Олега – руководителя, композитора, поэта, да и можно сказать, отца небольшого музыкального коллектива.

Аня поет.

Выражение лица Олега становится то задумчивым, то строгим, иногда даже недовольным. Но в какие-то мгновения его губы складываются в чуть заметную улыбку, и кажется, будто он находится далеко за пределами студии.

– Запись закончена. Всем спасибо. Теперь внимание. Автобус отправляется завтра ровно в девять. Билеты у меня. Просьба всем наладить свои отношения с будильниками.

– Оле-е-е-г!

Аня садится на пол и закрывает лицо руками.

– Ну что еще? Твои проблемы с будильником зашли так далеко?

– Мне не до шуток. Я не могу выехать завтра.

Олег, помолчав с полминуты, присаживается рядом:

– Аня, мне тоже не смешно. Мы едем на очень престижный фестиваль. Очень! И заметь, впервые. Это аванс. Потому что мы еще не достигли уровня участников подобных мероприятий. Что не понятно?

– Мне все понятно. Но завтра ехать я не могу. До начала фестиваля еще три дня. Можно я поеду послезавтра утром? Я успею.

– Что случилось?

– Завтра утром приезжает моя бабушка. Проездом. На один день. Она больна, и отец отправляет ее на длительное лечение. Мы давно не виделись. Пожалуйста, обменяй мой билет.

– Я не могу рисковать.

– Я успею, правда.

В черных глазах Олега усталость. Он уже не так молод, как музыканты группы. И не так беспечен. Но дело даже не в этом. Время уходит. И талантливый коллектив с удивительной солисткой – его последняя надежда. Он должен использовать каждую возможность.

– Аня, ты ставишь под угрозу наше выступление, а веро-

ятно, и перспективы.

– Ничего не случится, поверь. Моя бабушка – добрый и мудрый человек. Она никому не может причинить зла. А вдруг я больше никогда ее не увижу?

Олег отбрасывает назад непокорные волны темных волос:

– Хорошо. Постарайся не опоздать.

Глава 2

В июне уже тепло, но еще нет июльской жары.

Солнце заливает гостиную потоками света. Воздух переполнен радостью.

Сколько жизнь отмерила лет? Пять... десять... Ах да! Уже девятнадцать. Но разве это имеет значение, если тебя вот-вот обнимут бабушкины руки?

Надо заметить, что должность, которую занимает отец Ани, позволяет ее матери воплощать в престижной «сталинке» любые фантазии и предавать квартире особый уют. Уют стоит немалых денег. Дочь, безусловно, об этом не задумывается. Зато думает глава семьи. Поэтому увлечение наследницы музыкой, мягко говоря, не одобряет.

Мама с тетей в ожидании бабушки и уехавших за ней на вокзал отца и дяди суетятся в заботах о достойном завтраке. Двоюродные сестра и брат, которые моложе Ани на пять и семь лет соответственно, таинственно перешептываются на роскошном диване в гостиной. Аня наблюдает за ними с нежной улыбкой.

Аня – единственный ребенок в семье. Хотелось бы ей сестру? Или брата? Такого рода мысли никогда не приходили девушке в голову. Ее детство и отрочество прошли в очаровательном кукольном мире среди миниатюрных особня-

ков, парков, изящных барышень, похожих на героинь Джейн Остин, их изысканных нарядов и прочих мелочей, способных привести в восторг любую девочку. Как-то отец привез из зарубежной командировки меблированный кукольный домик. Бабушка предложила дополнить детали интерьера и смогла увлечь этим занятием маленькую Аню. Затем они стали мастерить кукол и все необходимое для их игрушечной жизни. Позже отец занял высокую должность в другом городе. Бабушка от переезда отказалась. И девочка самостоятельно продолжала изготавливать новых жителей своей комнаты, сочиняя занимательные истории их жизни, что не помешало ей с успехом окончить музыкальную школу и поступить в музучилище. В училище Аня познакомилась с Олегом.

А вот и бабушка. Восклицания, визг, поцелуи, подарки.

Повертевшись перед зеркалом в новой модной кофточке, Аня рассматривает заколку для волос. Такой заколки наверняка нет ни у кого. Перламутровая, жемчужного цвета, она сделана так, что будет долго и надежно удерживать прическу. Аня улыбается: «Где бабушка ее достала? Подобные штучки привозят только из-за границы».

Первую «заморскую» заколку Ане подарил отец. С тех пор она отказалась от косичек и принялась закручивать волосы, закрепляя их заколкой и оставляя сверху некое подобие ме-

телки. Взрослая прическа была ей к лицу и стала предметом зависти подруг. Аня чувствовала себя королевой.

После завтрака бабушка обнимает свою любимицу:

– Анечка, какой же ты стала красавицей.

Аня зажмуривает глаза. Она снова маленькая девочка.

– А ведь я привезла тебе еще один подарок.

На столе появляется большая красивая коробка.

Девушка неторопливо снимает крышку.

Кукла. Аня осторожно проводит по ней пальчиками.

Длинные волосы песочного цвета, белые брюки, белая рубашка в голубую клеточку. Он босой. И у Него нет лица.

– Я сделала друга для кукольной Ани. Возможно, это моя последняя работа.

Аня замирает в восхищении.

– Анечка, давай отнесем его в твою комнату. Пусть встретятся.

– Но почему же нет лица?

– Однажды мне привиделся этот образ, но его черты я не разглядела.

Они заходят в комнату, похожую на отдел игрушек магазина «Детский мир».

– Ничего не изменилось с тех пор, как я в последний раз гостила у вас. Ты больше не делаешь кукол?

– Нет, бабулечка. Теперь я пою. И мне очень нравится. У нас дружный коллектив. Я встретила хороших друзей.

Концерты, зрители, ну... понимаешь.

Аня смущается и опускает глаза.

Бабушка немного озадачена.

– Твой отец мне ничего не говорил.

– Да, наша группа не такая уж известная. Зато руководитель замечательный. Он пишет прекрасную музыку.

Пожилая женщина внимательно смотрит на внучку:

– Скажи, ты счастлива?

– Да!

– Молодость...

Подумав, бабушка продолжает:

– Знаешь, люди тысячи лет ищут ответ на вопрос: что же такое счастье? Им крайне сложно прийти к единому мнению. И неудивительно. Одного рецепта для всех не найти. Но определенно можно сказать: заниматься любимым делом – счастье. Если ты не ошиблась, твой жизненный путь будет ярким и радостным. Только не сомневайся и не отступай от него, даже если жизнь покажется невыносимой. Много трудись. И никому из людей и никаким обстоятельствам не позволяй заставить себя усомниться. Жизнь предательства не прощает.

Бабушка снова обнимает внучку:

– А где же наша маленькая Аня?

Кукольная Аня сидит на небольшом диванчике среди подобных себе творений исключительно ручной работы.

Девушка аккуратно берет куклу свободной рукой. Это аб-

солютная копия хозяйки: темные волосы собраны в задорную «метелку», яркий, цветастый сарафан, нежная улыбка. На маленьких ножках обуви нет.

– Девочка моя, ты обещала сплести ей сандалии.

– Да... Сразу не сделала, а потом и времени не нашлось.

Аня внимательно разглядывает кукол в своих руках:

– Он красив как ангел! Конечно же, у ангелов не бывает лиц...

– Пойду-ка я прилягу. Что-то мне нехорошо.

И бабушка тихо выходит из комнаты.

Аня устанавливает кукол рядом на широкий подоконник, раздвинув ручки в стороны для равновесия, садится на банкетку возле окна и задумчиво на них смотрит. Вдруг красивые бровки взлетают вверх. Она идет к огромному шкафу, открывает ящик за ящиком и наконец достает старую коробку из-под обуви. В коробке лежат отдельные части куклы, которой так и не суждено было стать ангелом. Но крылья готовы. И какие крылья! Из нежнейших белоснежных перьев! В шкатулке для шитья Аня быстро находит булавку, пристегивает ее к крыльям и оборачивается.

Он чуть наклонился и, как бы обнимая, прикоснулся к Ней рукой.

Аня вздрагивает.

Странно.

Возможно, шарнирчики немного слабые. Аня знает, как решить проблему. Девушка берет новичка, осторожно дви-

гает его ножки, пожимает плечами и прикрепляет крылья, невзначай задевая одну из ручек куклы. Ручка из положения «в сторону» принимает положение «вперед». Затем ставит Его на место, правда, чуть дальше от Нее.

Полюбовавшись еще несколько минут, Аня выходит из комнаты.

Он снова слегка наклоняется вперед и прикасается к Ней вытянутой рукой.

Глава 3

Какая светлая и теплая ночь!

– Молчали листья, звезды рдели.

И в этот час

С тобой на звезды мы глядели,

Они – на нас...

Анечка, ты помнишь это стихотворение?

– Да... Фет... Я часто слышала его от тебя. Мне нравились наши посиделки до поздней ночи.

– И твой отец возмущался тем, что нарушен режим дня.

Аня и бабушка сидят в гостиной на диване. Окно распахнуто. Приглушенный свет торшера не мешает рассматривать звездное небо. Аня смеется, сильнее прижимается к бабушке и говорит тише:

– Когда я пошла в школу, папа прикрепил к стене моей комнаты плакат «Распорядок дня школьника». А я в строке «Сон» исправила черным фломастером цифру 21 на 24.

– Досталось?

– Конечно.

Девушка долго молчит, всматриваясь в открытое окно:

– Мне кажется, ночью время замедляет свое течение и можно увидеть нечто такое, чего никогда не увидишь днем.

Таинственные существа открывают окошки во Вселенную и ждут, когда же людям захочется в них заглянуть. А людям некогда. Днем они в заботах, а ночью спят. Возможно, кто-то сверху тоже наблюдает за нами.

– Возможно.

Бабушка задумчиво читает дальше:

– Когда все небо так глядится

В живую грудь,

Как в этой груди затаится

Хоть что-нибудь?

Все, что хранит и будит силу

Во всем живом,

Все, что уносится в могилу

От всех тайком...

– Бабулечка, как же мне хорошо с тобой. Ах, если бы можно было остановить время и остаться здесь с тобой навсегда...

Бабушка поворачивается к внучке, прикасается рукой к ее юному личику и говорит очень серьезно:

– Никогда, слышишь, ребенок, никогда не желай этого так искренне, и прежде всего, в тот момент, когда душа твоя открыта, когда ты чувствуешь, что тебя слышат. Жизнь заключается в движении. Она должна быть подобна стремительному полноводному речному потоку. Конечно, встретятся рав-

нины и водопады, в период засухи река может стать маленьким ручейком, но позволить ей остановиться нельзя. Что бы ни случилось на твоём пути, всегда находи мужество двигаться дальше; не возвращайся и не пытайся цепляться за то, что неизбежно остается позади. Если остановишься, душа твоя окаменеет. Ты станешь рабой прошлого. И перед тобой развернется бездна. Запомни это.

Но Аня не слушает. Она весело бросается обнимать бабушку, смотрит ей в глаза и дурашливым тоном, каким дети обычно рассказывают друг другу страшилки, начинает декламировать:

– Что чище звезд, пугливей ночи...

Бабушка присоединяется:

– Страшнее тьмы,
Тогда, взглянув друг другу в очи,
Сказали мы.

Обе смеются.

Давно за полночь.

И только одно открытое окно желтым фонарем освещает улицу.

А в соседней комнате от едва уловимого движения воздуха в серебристом свете луны оживают воздушные крылья.

Глава 4

Город просыпается.

Свежий ветерок влетает в открытые окна автомобиля, скользит по лицу, быстро перебирает волосы и исчезает.

Папа за рулем, билет на автобус в сумочке, дорожная сумка в багажнике.

Жизнь прекрасна!

Вот и автобус.

Отец произносит несколько стандартных напутственных слов, быстро чмокает Аню в щечку и уходит, не дождавшись отправления. Дела.

Девушка не торопясь поднимается в салон автобуса. Жмурясь от яркого солнечного света, медленно проходит между рядами, всматриваясь в номера сидений за кабиной водителя. Нет, надо искать на противоположной стороне. Еще несколько секунд взгляд по инерции движется вдоль верхней полки, соскальзывает вниз и тут же попадает в плен голубых глаз...

Синева разливается до самого горизонта. Мысли разлетаются в разные стороны. Невесомое тело летит в бескрайний голубой простор. И невозможно понять, погружаешься ли ты на дно или взмываешь вверх.

...Внезапное виденье исчезает. Аня рассеянно опускается на свое место у прохода, машинально снимает заколку, поправляет волосы, снова собирает их в «метелку» и вдруг, не отдавая себе отчета, оглядывается назад.

Там, через проход в двух рядах от нее, сидит молодой человек. Светлые волосы, яркая футболка, потертые джинсы. Улыбка немного грустная, а взгляд, устремленный ей навстречу, и вовсе усталый. Ничего необычного. Симпатичный парень. Только и всего.

Аня возвращается к оставленному занятию. Она закрепляет прическу заколкой, опускает руки и пожимает плечами. Можно забыть. Но женское желание убедиться в том, что тобой заинтересовались, непреодолимо. И Аня снова оборачивается.

Он смотрит в сторону.

У Ани пока нет друга, но она уже избалована вниманием мужчин. Поэтому поведение, отличное, в её понимании, от должного, удивляет и даже немного огорчает. Девушка, надув губки, пересаживается к окну на свободное сиденье.

Он смотрит в бесконечность.

Легко пройти мимо, не оглянувшись. Два мира не утратят своей печальной параллельности. И тогда маленький ручеек так и не сможет пробиться на поверхность, а Вселенная, потеряв частичку любви, не откроет людям одну из своих тайн.

Он знает почти все.

Почти. Он лишь не знает, когда миры должны будут пере-

сечься и хватит ли у него времени...

Автобус трогается.

Аня, все еще пребывая в мыслях о своей маленькой неудаче, неожиданно близко слышит теплый голос с легким акцентом:

– Крис.

Девушка вздрагивает. Он сидит в соседнем кресле и излучает свет. Во всяком случае, ей так кажется. Рядом с ним уютно и спокойно. Обида уступает место симпатии.

Хочется сделать или сказать что-то хорошее.

– Аня.

Улыбка мельком касается их губ, устраивается между ними, и они отправляются путешествовать втроем.

– Вы певица.

Ане немного неловко.

– Я не думаю, что могу с уверенностью назвать себя певицей. Но я пою. А как вы догадались?

– Этот автобус идет в городок, где проходит молодежный музыкальный фестиваль, и... Вы не зритель.

– Почему?

– Если бы вы не были музыкантом, вы бы остались равнодушной к такому мероприятию.

Аня удивленно приподнимает брови.

– Вам не интересно быть наблюдателем. Вам нравится быть исполнителем.

– Возможно.

Аня пожимает плечами и говорит о погоде. Он прав, но ей вовсе не хочется пускаться в философские размышления, рассуждать о серьезных вещах. На душе светло и легко. Молодой человек подхватывает ее беззаботное настроение.

Автобус выезжает за пределы города и, вырвавшись на свободу, радостно мчится по дороге.

Глава 5

Солнце вот-вот коснется линии горизонта. Неторопливые прохожие, запах моря, солоноватый привкус на губах. К приморскому городу тихо подкрадывается вечер.

Олег уже полтора часа бродит по автовокзалу и его окрестностям, изучая расписание рейсов, ассортимент торговых точек, повадки местных собак и кошек. Необъяснимое чувство тревоги ежиком забирается под солнечное сплетение.

Наконец появляется автобус и медленно выкруливает на стоянку. Олег быстро шагает ему навстречу.

Один за другим выходят пассажиры.

Где же Аня? От волнения холодеют пальцы рук.

Но вот знакомая фигурка легко соскакивает со ступеньки и, заметив Олега, весело взмахивает рукой.

Высокий светловолосый парень подает ей руку.

– Привет, Олег!

Аня быстро подходит и обнимает Олега. В ответ он целует девушку в щечку:

– Привет! Ты знаешь, я очень волновался.

– Не стоило. Я же говорила, что все будет в порядке.

– Бабушку встретила?

– Да, спасибо тебе огромное!

– А где вещи?

Аня оборачивается и машет рукой в сторону автобуса, откуда к ним направляется все тот же светловолосый молодой человек с двумя сумками и гитарой за спиной.

– Знакомься, Олег! Это Крис! Музыкант, композитор, поэт, критик, аналитик, переводчик...

Аня переводит дух и продолжает загибать пальцы на руке:

– ...спортсменка, комсомолка...

Крис серьезно и удивленно смотрит на нее.

– ...и вообще краса-а-авэца.

Олег, глядя на Криса, тоже приподнимает брови, пожимает плечами и слегка напрягается.

– Ну... это шутка такая... Аня спохватывается:

– Ах да, Крис немец.

Олег с облегчением выдыхает:

– Это уже, если можно так выразиться, советский фольклор.

Аня продолжает:

– И кстати, интересуется фольклором – собирает песни народов мира и еще...

Олег осторожно прикрывает Ане рот ладонью:

– Дай человеку-то хоть слово вставить.

Он протягивает руку:

– Олег.

Крис ставит сумки на асфальт и пожимает руку в ответ:

– Рад знакомству. Если быть точным, то я этнограф и отчасти музыкальный психолог.

– Надо же... И вам это интересно?

– Дело не в интересе. Изучая другой народ, его культуру и обычаи, смотришь иначе и на тех, кто тебя окружает, и на себя. Начинаешь многое понимать. Через осознание разнообразия можно более объективно оценивать собственный мир.

Олег задумывается:

– Пожалуй, соглашусь. Жаль только, что большая часть фольклора утеряна. Но наше поколение потомки будут изучать и по современной музыке, поэтому предлагаю всем собраться и добавить будущим музыковедам информации для размышления. Крис, где вы остановились?

– Я еще не думал об этом.

– Раз так, я предлагаю провести все дни фестиваля в нашем дружном коллективе. Можно на ты?

– Пожалуйста.

– Если ты не против, могу познакомить тебя с организаторами и некоторыми участниками фестиваля.

– Спасибо, буду признателен.

Этот светловолосый парень очень располагает к себе. Но чувство беспокойства не оставляет.

Глаза.

Даже тогда, когда Крис улыбается, они остаются серьезными и, кажется, видят всю подноготную собеседника.

Олег успокаивает себя тем, что подобные мысли приходят от усталости и переживаний. Он снова пожимает плечами,

подхватывает одну из сумок, и все трое направляются в сторону города.

Солнце прячется в море.

Глава 6

Лунный свет серебрит ночное море. Море спит. В тихих всплесках ласкающих берег волн слышится его ровное, глубокое дыхание. Ослепительная иллюминация, тяжелые ритмы музыки, гомон и смех уже подвыпивших участников и гостей фестиваля не могут потревожить покой уснувшего исполина.

И Ане спокойней здесь, у линии прибоя. Прохладный воздух пробирается под шерстяную кофточку, и девушка потирает плечи руками.

Олег доволен выступлением. Во всяком случае, он говорит о каких-то контрактах, гастролях, концертах, о заинтересованности важных и нужных людей. Жизнь может измениться. Готова ли она надолго оставлять родительский дом? Ане сложно ответить. Но ей грустно. В редких и непродолжительных поездках группы девушка всегда чувствует себя немного одиноко.

– Ань!

Она оборачивается. На ярко освещенной веранде кафе стоит Олег.

– Ты не замерзла? Иди к нам.

Пожалуй, пора где-нибудь погреться. Аня не спеша направляется в сторону кафе, прислушиваясь к хрусту мелкой гальки.

За столиком Олег и Крис пьют пиво. Крис встает и отодвигает стул:

– Пить что-нибудь будешь?

– Пока только горячий чай.

Аня присаживается, невольно обращая внимание на непривычно печальные глаза Олега:

– Вы о чем тут беседуете?

Олег отводит взгляд в сторону моря, и его пальцы начинают нервно выбивать на перилах веранды какой-то ритм.

– О тебе.

Он поднимается:

– Схожу-ка я за чаем. Садись, Крис, тебе тоже взять?

– Я буду кофе.

Крис садится. Аня кладет руки на столик и смотрит вслед уходящему Олегу:

– Похоже, что тема разговора настроения вам обоим не подняла.

– Не совсем так. Я высказал Олегу свое мнение, которое его немного огорчило.

– Мы тебе не понравились?

– Почему же? У вас хорошая перспектива, и говорить об этом с Олегом совершенно ни к чему.

– Тогда что?

Крис внимательно смотрит на девушку:

– Ты любишь оперу?

– Не... могу сказать.

Вопрос застаёт Аню врасплох.

– Честно говоря, я близко познакомилась с классической музыкой только в музучилище. В музыкальной школе музлитература была для меня просто предметом, который надо сдавать. Пьесы по специальности – а я училась по классу фортепиано – разучивала исключительно в рамках программы, но весьма успешно. Старалась. А вот в хоре была солисткой. Пожалуй, именно там у меня появился интерес к пению. В училище я стала заниматься эстрадным вокалом.

– Ты всегда мечтала об этом?

– Нет.

Аня улыбается:

– Художник-модельер. Это то, что привлекало меня в детстве.

– И никто из педагогов не предложил заниматься академическим вокалом?

– Предлагали. И даже уговаривали.

Аня рассматривает свои руки:

– В семнадцать лет сделать выбор в пользу классической музыки?

Она пожимает плечами:

– Да я и сейчас бы отказалась.

– Почему?

– Слишком серьезно. Наверное, я не готова.

Крис немного подается вперед и тоже кладет руки на стол:

– Надо пробовать. Ты обладаешь уникальным голосом, и отдать его эстраде, не попытавшись хотя бы прикоснуться к миру оперы... – он разводит руками. – Так не должно быть. Талант, данный Богом, принадлежит человечеству, и ты не можешь прятать его.

Аня не знает что сказать. Она не помнит, чтобы в родительском доме звучала оперная музыка. Учителя ее детства – пластинки с записями эстрадных певцов. Но и о звездной карьере Аня не мечтает. Ей просто нравится петь. Ей нравятся репетиции, нравится наблюдать за игрой музыкантов, нравится волшебство рождения мелодии из маленьких черных крючочков, бегущих по нотному стану. Аня поет легко и радостно, как и живет. А оперное пение она ассоциирует с тяжелым, непосильным трудом.

Но эта завораживающая синева...

Крис смотрит Ане в глаза, и ей уже кажется, что он лучше знает, чем ей надо заниматься.

Крис отпускает Аню:

– Хорошо. Я предлагаю сделать попытку. У меня есть очень хороший знакомый в Ленинградской консерватории. Я договарюсь. Тебя прослушают.

– И об этом ты говорил с Олегом?

– Да.

Аня качает головой:

– Тогда понятно. Крис, я повторяю, что не готова и считаю маловероятным достижение хоть какого-то приличного

результата. Я выбрала путь и не хочу ничего менять. Это совсем другое блюдо, и я не уверена, что оно придется мне по вкусу.

– Прежде чем сказать «невкусно», надо попробовать.

Олег приносит три чашечки горячих напитков и тарелочку печенья:

– Вот. Кунжутное печенье. Говорят, замечательное. Надо попробовать.

Аня и Крис смотрят друг на друга. Девушка смеется.

– Что в этом смешного?

Крис улыбается:

– Ты принес... э... экспериментальный образец. Очень своевременный.

Аня смеется громче.

Олег недовольно хмурится:

– Да ну вас!

Он ставит поднос на стол.

Крис поворачивается к Ане и протягивает ей печенье:

– Проведем эксперимент?

Аня молча кивает. Надкусывает печенье. Бровки взлетают вверх.

– Превосходно. Сезам, откройся!

Олег удивлен:

– А Сезам при чем?

– «Али-Баба набрался храбрости, вдохнул побольше воздуха и во весь голос крикнул: „Сезам, открой дверь!“ И тот-

час же дверь распахнулась перед ним, и открылся вход в большую пещеру...» Олег, «сезам» – это второе название кунжута. Если дотронуться до зрелого стручка сезама, он тут же – хлоп! – и открывается. Откусил печенье и – хлоп! – целая пещера вкусов.

– Надо же! Откуда знаешь?

– Бабушка...

Крис откидывается на спинку стула:

– Аня, так соглашайся на еще один эксперимент. А вдруг – хлоп! – Крис хлопает в ладоши, – и перед тобой откроется блистательный мир, от которого ты уже никогда не сможешь отказаться.

Олег мрачнеет. Аня вопросительно смотрит на своего наставника.

– Не смотри так. Ты знаешь, чем может обернуться для меня такая потеря. Но если это действительно твоя судьба, я не стану препятствовать. Только помни, что путь к оперной сцене куда более извилистый и тернистый.

– Я... сейчас ничего не могу сказать.

Аня возвращается к морю.

Подумать.

Или посоветоваться.

Глава 7

Ветер проснулся на рассвете и теперь бесцельно слоняется по пустому пляжу, время от времени подбрасывая блестящие обертки и бумажные стаканчики. Он прыгает на батутах палаток и скатывается с горки навеса кафе.

Скучно.

Немного подумав, ветер отправляется будить море.

В нескольких шагах от воды стоит девушка. Ветер тихонько подкрадывается к ней и внезапно дует. Легкий цветастый сарафан надувается словно парус. Она разбрасывает руки в стороны и подставляет ветру хорошенькое личико.

«Не испугаеш-ш-шь... Подумаеш-ш-шь...» – обиженный ветер начинает раскачивать море. Все сильнее и сильнее. Море долго притворяется спящим и вдруг, исхитрившись, с хохотом швыряет на берег огромные волны. Они разливаются по берегу пеной и откатываются назад, с шипеньем заглатывая песок и мелкую гальку.

Аня с любопытством наблюдает за сменой его настроения. Теперь она уже не рискнет подойти к морю поближе. Вдали, у самой кромки берега, возникает светлый призрачный образ. Белые брюки, белая рубашка в мелкую голубую клеточку. В ярких солнечных брызгах он кажется полупрозрачным и почти невесомым. Волны приветствуют его, послушно растилаясь у ног. Две из них, одна за другой, ударяют в берег

за его спиной, и Ане кажется, что два огромных сияющих крыла вот-вот унесут это видение ввысь.

– Крис!

Аня машет рукой.

Крис машет в ответ и прибавляет шаг:

– Привет! Почему ты так рано проснулась?

– Это ты у меня спрашиваешь? По-моему, кто-то и вовсе не ложился.

Лицо Криса совсем близко. По бровям и ресницам рассыпан сверкающий соленый бисер. Зазевавшийся ветер путается в песочных волосах.

– Я плохо спала, обдумывала твое предложение.

– И что же ты решила?

Аню вновь захватывает магия бездонных глаз. Если у нее и оставались какие-либо сомнения, то в эту минуту они, словно волны, разбиваются о берег.

– Я согласна.

Глава 8

Тридцать, тридцать один, тридцать два... Площадка.
Остается один лестничный марш.

Ступеньки – хранители самого сокровенного. Мы взрослеем, познаем мир, радуемся и страдаем, а подчас и заканчиваем свой жизненный путь, спускаясь и поднимаясь по лестнице родного дома. Ступеньки знают все наши секреты, а мы помним точное их число.

...Сорок, сорок один, сорок два.

И вот долгожданная дверь.

Аня нетерпеливо нажимает на кнопку звонка.

– Иду! Иду!

На пороге – мама.

Девушка прикрывает глаза и слегка втягивает носиком воздух в предвкушении кулинарных изысков. Как радостно вернуться домой!

Вслед за Аней поднимается с сумкой отец:

– Все. Прибыли.

Мама накрывает на стол:

– Доченька! Мой руки! Мы тебя ждем!

– Да, мам, сейчас.

Прислонившись к косяку двери своей комнаты, Аня с удовольствием обводит взглядом любимый уголок. Кровать, шкаф, пианино, стол, диванчик, широкий подоконник.

На подоконнике – две куклы.

Она ни разу о них не вспомнила! События последних дней пролетают в памяти одним мгновением.

Крис?!

Кукольный Крис по-прежнему обнимает кукольную Аню.

***

Утро следующего дня переносит Аню в детство. Стол в ее комнате накрыт кухонной клеенкой и придвинут к окну. На столе – коробка с измельченной газетой и кастрюлька с остатками клеястера. Кисточки, ножницы, наждачная бумага, скальпель, пилки, стоматологические инструменты ждут своего часа. В центре стоит большая миска с готовым «тестом» папье-маше. Рядом лежит кукольный Крис и портрет настоящего, нарисованный на миллиметровке в профиль и анфас. Крылышки отстегнуты. Волосы куклы аккуратно подвязаны полоской ткани.

Аня берет из миски кусочек массы.

Тихо тикают настенные часы. Тонкие пальчики делают ювелирную работу.

***

Солнце садится. Кукла лежит на подоконнике. К завтрашнему утру папье-маше высохнет. Аня обработает наждачной бумагой миниатюрное личико, покроет его грунтовкой и раскрасит.

Завтра. А сейчас она стоит у окна в рабочем фартуке, с неизменной «метелкой» на голове и устало наблюдает в окно за тем, как вечер тихо накрывает город сумрачным покрывалом.

Глава 9

Октябрь разлил охру по желтому сентябрьскому ковру. В воздухе звенят первые заморозки.

Аня не спеша идет по аллее и поддевает ногами листья. Она вспоминает прежние осенние «шуршащие» прогулки в сквере у дома: в раннем детстве – с мамой, позже – с друзьями, в романтический период – с поэзией. Сегодня рядом «шуршит» Крис.

Он приехал без предупреждения.

Олег пригласил Аню на чашечку кофе. Она давно не видела Олега и с радостью согласилась. В кафе за столиком рядом с ним сидел Крис.

Аня уходит вперед, собирая в букет опавшие листья. Оборачивается. Желтые волосы, длинное темное пальто. Крис похож на деревья. Аня ловит себя на мысли, что он приходится им дальним родственником. Очень забавно.

– Мы с тобой одной крови, ты и я! – весело выкрикивает Аня и подбрасывает вверх листья. Она бежит назад к Крису. Щечки розовеют от холодного воздуха.

Крис улыбается и качает головой:

– Это Киплинг, я знаю! Ты будешь становиться серьезной?

– Уже...

Аня немного задыхается от бега:

– Мой преподаватель в музучилище дал мне послушать оперу «Лючия ди Ламмермур» Доницетти. Скажи, разве можно сойти с ума от потери любимого человека? Разве жизнь останавливается на этом?

– Причины безумия бывают разные. Человек – великая тайна природы. Одни мужественно и стойко переносят куда более тяжелые испытания. А у других не хватает душевных сил смириться с утратой. Но Лючия стала жертвой циничного обмана близких людей. Вероятно, внезапное ощущение полного одиночества и стало причиной ее помешательства. Бывает, что люди не выглядят потерявшими рассудок. Но их сознание не справляется с переменой в жизни, и они тихо теряют к ней интерес.

– Это, наверное, хуже смерти?

– Пожалуй, да. Тяжелое, безрадостное движение по кругу, вокруг одной точки должно быть похоже на преисподнюю. И вырваться из этого круга невероятно сложно.

Аня замирает.

– Что же ты загрустила?

Крис с улыбкой смотрит девушке в глаза:

– Скажи-ка, тебе понравилась сцена сумасшествия Лючии?

– Ой, Крис. Это фантастика! Мне кажется, что я никогда не смогу спеть что-то подобное.

– Никогда не говори «никогда».

– О, слова Михаила Степановича! Когда я пришла в августе к нему в музучилище и сказала, что хочу подготовиться к сдаче экзаменов в консерваторию, он не поверил. Он уговаривал меня заниматься академическим вокалом еще в мою бытность его студенткой. Я даже пыталась попробовать. Скорее всего, не хватило терпения и понимания. А может быть, было рано. Да я тебе рассказывала. Я была категорична и сказала: «Никогда». И теперь, услышав о моих намерениях, Михаил Степанович посмотрел на меня, как на только что вылупившегося цыпленка, поднял вверх палец и произнес вот эти же самые слова.

– Правильно сказал. Как успехи?

– Бывает всякое. Но в целом он доволен.

– А ты?

– Сложно, но мне нравится.

– А Олег?

– А что Олег? Олег-то как раз человек рассудительный. Он смирился с потерей. Нашел хорошего солиста, и музыка его «потяжелела». Я теперь думаю, что подсознательно он всегда стремился к этому, однако пытался подстроить группу под возможности моего голоса.

– Скажу тебе по секрету, что думаешь ты правильно. Иногда для того чтобы люди нашли себя, им надо потерять друг друга. Потеря может привести к совершенно неожиданным открытиям. Будущее Олега вовсе не в том музыкальном направлении, которым он занимался до твоего ухода.

Аня пожимает плечами:

– Возможно. Ты уезжаешь завтра?

– Да, пора.

Аня прикрывает глаза и делает глубокий вдох:

– Пахнет пожелтевшими листьями и дождем.

По аллее не спеша идут двое: молодой человек, похожий на осеннее дерево, и девушка в вязаной шапочке с отверстием на макушке, из которого торчит вечная «метелка».

Глава 10

Слезинка дождя медленно скользит по стеклу. Слезы каплют с голых веток деревьев. Тучи изливают потоки слез на потемневшую землю.

Плачет весь мир.

Аня сидит на подоконнике, обхватив руками колени. Черное платье, черные чулки. Волосы подвязаны черным кружевным шарфиком.

Бабушки больше нет.

Аня смотрит в окно, и в глазах ее тьма и пустота.

Как хочется вернуться туда, где они были вместе. Кто откроет ей блистательные миры реальности и фантазии? Кто поведаст о мечтах и вдохновениях прошлых веков и надеждах будущих столетий? Аня чувствует, как вслед за бабушкой уходит и ее беззаботное детство.

Мысли и чувства исчезают в дождевой мгле. Вот уже и душа пуста. Из глубины подсознания поднимаются не понятые когда-то слова.

«Никогда, слышишь, ребенок, никогда не желай этого так искренне... Жизнь заключается в движении... Если остановишься, душа твоя окаменеет. Ты станешь рабой прошлого. И перед тобой развернется бездна...»

Но как идти дальше, если путь больше не озаряет бабушкина мудрость?

В душевную пустоту тайком пробирается серая тоска.

И нет никого в целом свете, кто смог бы вернуть душе краски жизни. Родители и родственники замкнулись в своем горе. Друзья выразили соболезнование и деликатно не беспокоят. Да, Олег смог найти нужные слова, но его присутствие ничего не меняет. Немая холодная стена стала между Аней и окружающим миром.

«Человек – великая тайна природы. Одни мужественно и стойко переносят куда более тяжелые испытания. А у других не хватает душевных сил смириться с утратой... Тяжелое, безрадостное движение по кругу, вокруг одной точки должно быть похоже на преисподнюю. И вырваться из этого круга невероятно сложно...»

Крис! Да, он способен преобразить мир. Он может растворить все страхи и сомнения в бездонной синеве своих глаз. Он сам – ключ к таинственным дверям, за каждой из которых скрывается страна чудес.

Аня берет куклу. Тоска отступает. Глаза девушки светлеют, но маленькая слезинка все еще катится по щеке.

Бабушки больше нет.

Глава 11

Хлопья снега мягко ложатся на землю. За окном сидит голубь. Он наклоняет голову и смотрит на Аню оранжевым глазом. Девушка легонько щелкает по стеклу. Голубь поворачивает голову, смотрит другим глазом, да и вовсе отворачивается. Аня пожимает плечами: «Подумаешь», и продолжает протирать подоконник в своей комнате, внимательно слушая музыку.

Онегин, я тверда останусь:

Судьбой другому я дана,

С ним буду жить и не расстанусь.

Нет, клятвы помнить я должна!

Аня заканчивает прослушивание оперы и приподнимает звукосниматель. Она смотрит на подаренный ей отцом на день рождения, недавно появившийся проигрыватель «Электроника ЭП-017 стерео» и думает о том, что мечтала совсем о другой музыке. И вот...

– Мо-ло-дец, Татьяна! Это вам не Лючия ди Ламмермур! Никаких кинжалов в сердце нелюбимого мужа. Русская душа.

Аня становится посреди комнаты и входит в образ:

– Нет, нет!

Прошлого не воротить!

Я отдана теперь другому,

Моя судьба уж решена:

Я буду век ему-у-у верна!

Она вздыхает, берет томик романа «Евгений Онегин» и выходит в гостиную. Отец, сидя на диване, читает газету. На журнальном столике в хрустальной вазе аппетитно краснеют большие яблоки. Аня плюхается рядом с отцом, берет яблоко, укладывает длинные ноги на диван, открывает книгу, откусывает кусочек яблока и погружается в чтение. Отец пару секунд молча смотрит на нее поверх очков. Затем, устроившись удобнее, снова закрывается газетой.

Слышно, как в прихожей звонит телефон. Мама вежливо обменивается с кем-то любезностями.

– Аня! Тебя!

Бросив книгу и яблоко на столе, Аня спешно скрывается в дверях.

Отец с усмешкой берет ее яблоко.

***

– А где яблоко?

Аня растерянно смотрит на отца. В ответ отец, не оставляя чтения, вертит перед ней огрызок.

Аня вздыхает, берет другое, садится и снова открывает

книгу.

– Кто звонил?

– Олег. Они в Праге, к Новому году вернутся. Обещал привезти какой-то подарок.

– Не жалеешь?

– Нисколько.

Отец кладет газету на колени:

– Честно сказать, я надеялся, что твое увлечение пением будет недолгим. А тут опера. Ты что же, хочешь стать оперной дивой?

Аня осторожно выглядывает из-за книги:

– Па, такое возможно в том случае, если при рождении кто-то сверху, – она возводит глаза к небу, – спустил мне на веревочке подарочек.

– А если не спустил?

– Какое в данный момент это имеет значение? Жизнь покажет.

– Да, покажет. Может и кукиш показать.

– Может. И что?

– Ничего. Пять лет каторжного труда в консерватории...

– Если поступлю.

– Поступишь.

Теперь и Аня откладывает книгу. С удивлением глядя на отца, она бессознательно возвращает яблоко в вазу.

– Поступишь. Когда у тебя в голове появляются дурацкие фантазии, ты всегда добиваешься своего.

Аня закатывает глаза. Отец снова берет ее яблоко и задумчиво рассматривает:

– Поступала бы в медицинский, на филфак...

– Па, медицина – это вообще не мое, а филология... Что потом делать? Щелкать недорослей указкой по лбу?

– Почему же? Есть варианты.

– Нет, ну варианты ты бы мне, конечно, обеспечил. Я не сомневаюсь.

– И обеспечил бы! Ты там когда-то модельером мечтала стать. Все же лучше.

Аня захлопывает книгу:

– Па, я буду поступать в консерваторию. И оставь в покое мое яблоко.

– Вот будешь грызть, грызть, отвернешься – раз, и кто-то другой съест.

– Не съест.

Аня отбирает яблоко и демонстративно, с хрустом надкусывает.

– Ладно. Ты не забывай, что в Ленинграде где-то и на что-то жить надо.

– Там, кажется, есть общежитие.

– Ты думаешь, я позволю своей единственной дочери жить в общежитии?

– Папочка!

Аня обнимает отца. Он легко отстраняется:

– Ладно, ладно. Тебя не переубедишь. Даже представить

не могу, во что мне все это выльется.

Аня открывает книгу и прячется за ней. Отец качает головой и возвращается к газете.

В комнате воцаряется библиотечная тишина.

Глава 12

Город умылся летним дождем и любит свое отражение в зеркалах рек и каналов.

Волны, рассыпавшиеся по Мойке ослепительной солнечной рябью, качают и баюкают маленькую деревянную щепку. Там, в своих грезах, она – венецианская гондола – везет красивую девушку с набережной в феерический мир «Сказок Гофмана» под чарующие звуки баркаролы.

Аня тоже наблюдает за щепкой, склонившись над чугунной оградой. Строгая юбка, элегантная прическа. С сегодняшнего дня она студентка Ленинградской консерватории. Осознать это сложно, и мысли девушки так же легко покачиваются на волнах, в такт музыке Жака Оффенбаха.

Над крышами домов парит купол Исаакиевского собора.

На Почтамтском мосту Аню ждет Крис:

– Привет! Поздравляю.

– Привет! Ты ведь точно знал, что я поступлю. Помог твой приятель?

– Конечно, помог. В прошлом году во время прослушивания он сделал тебе замечания, и ты почти все исправила.

– Я не об этом.

– Понимаю. Твой голос не нуждается в протекции. И о том, что тебя, без сомнения, примут, он сообщил мне тогда же, в день прослушивания.

– А почему ты мне сразу об этом не сказал?

– Зачем?

Аня от возмущения взмахивает руками:

– Да я же целый год как... как... пахала как... декабристы на рудниках.

Аня обиженно отворачивается.

– Послушай меня.

Крис разворачивает девушку к себе лицом:

– Разве ничего не изменилось за этот год? Что ты знала об опере тогда и что знаешь сейчас?

– Нет, безусловно, я открыла для себя совершенно иной мир.

– И не передумала?

– Ты же видишь, что нет.

– Тебе нужен был этот год, чтобы разобраться: твой это мир или нет. Каким бы прекрасным он ни был, не каждый певец желает и имеет возможность посвятить ему свою жизнь, не каждому он понятен. Мир оперы так же восхитителен, как и сложен. К тому же необходимо было раскрыть твой голос, и Михаил Степанович блестяще справился с этой задачей. Он очень талантливый и отчасти прозорливый педагог.

– Это так. Я ему очень благодарна. Но мне было тяжело.

– Верю. Но и ты поверь, что в консерватории будет еще тяжелее.

Над городом снова собираются облака.

– Зайдем в кафе?

– Я бы с удовольствием, но папа договорился насчет най-ма квартиры где-то в этом районе. Ждал результатов экзаменов. Сейчас пошел к хозяйке. Скорее всего, сегодня будем въезжать.

– Отец уже знает о результатах?

– Да он и не отходил от меня все это время!

– Ведь он был против?

– Не одобрял, конечно. Понимаешь, папа может иногда поворчать. Но он как квочка: никогда не выпустит меня и маму из-под присмотра.

– Ты рада?

– Я еще не понимаю.

Аня смотрит немного смущенно:

– Мне очень нравится город. Однажды я ездила с родителями в Ленинград. Но это было давно, почти ничего не помню. Помню только, что мы с мамой идем по очень широкой улице, подходим к двум молодым парням и спрашиваем, как пройти... не помню куда. Они долго объясняют, а я стою с открытым ртом и слушаю их речь словно музыку. Никто из моих знакомых так не говорил, а взрослую классику я в то время еще не читала.

– Да, у потомственных ленинградцев речь особая.

– Wie weit bist du vertraut mit den Feinheiten der russischen Sprache?¹

Крис смеется:

---

¹ Как ты разбираешься в тонкостях русского языка? (нем.)

– Ich bin Polyglott.² Пойдем, я провожу тебя.

---

² Я ПОЛИГЛОТ (нем.)

Глава 13

Над допотопным комодом, заставленным шкатулками и гипсовыми статуэтками, между двумя окнами покачивают маятником старинные настенные часы.

Отец ставит сумки на паркет:

– Фридрих Мауте. В наше время он стоит немалых денег.

О да. И часы отзываются тихим боем, словно невидимый шаман ударяет по язычку варгана.

Ровно двенадцать.

На Петропавловской крепости бьет пушка.

Аня стоит посреди комнаты у круглого стола и с любопытством осматривает свое новое жилище. На столе – ска-терть с бахромой. Над столом – рыжий абажур. Венские стулья. Винтажная этажерка. Книжный шкаф эпохи классицизма. Фигура. Еще один комод. Кажется, что вот-вот распахнутся белые филенчатые двери, и вбежит кривоногий и хромой Мойдодыр. И только простенькая софа, забившись в угол за дверью, напоминает вошедшим о реальном времени.

В потемневшем зеркале трехстворчатого шифоньера отражаются резные украшения и изящные бронзовые подсвечники еще одного обитателя квартиры.

– Папа, посмотри, настоящий Якоб Беккер.

Аня проводит ладошкой по крышке черного пианино.

– Да, я его уже видел. Неужели этот старичок еще на что-

то способен?

– Что вы! Инструмент обладает вполне приличным звучанием.

Ксения Андреевна, худенькая добродушная хозяйка квартиры, выглядит таким же анахронизмом, как и ее владения.

– Аннушка, вам нравится комната?

– Да... Она очень уютная.

– Вот и хорошо. Располагайтесь. А я пойду приготовлю чай.

Хозяйка выходит. Аня морщит носик:

– Па, да это какая-то богадельня для престарелых вещей, а не комната.

– А чего ты ожидала в центре Ленинграда? Зато платить я за нее не буду, как за раритет. И в консерваторию можно пешком ходить. Вместо утренней зарядки.

Аня поднимает крышку пианино и пробегает пальчиками по желтоватым клавишам:

– Действительно, хороший звук.

Она снова осматривает комнату:

– Здесь время стоит...

– Аня, я тебя не понимаю: стоит, бежит. Давай-ка выложим твои вещи из моей сумки. Завтра я уезжаю.

– Угу.

– Жаль, что некому тебя поддержать в первое время.

– Почему же? Олег с группой переехал в Ленинград.

– Вот как? Ты мне ничего не говорила. Это хорошая но-

вость. Он серьезный человек, и я ему доверяю. Не то что этот твой, э... как его, Крис.

– А что Крис?

– Станный он какой-то. Молчит все время, смотрит куда-то... И вообще он иностранец. Откуда у него здесь друзья?

– Не знаю, не спрашивала. Па, он приезжает в Союз раз в год, а то и реже.

– Я бы посоветовал поменьше с ним общаться.

– Как получится. А где бабушкин свитер? Я положила его в твою сумку.

– На софе.

Аня нежно прижимает к себе вязаный шерстяной свитер ручной работы, потом украдкой достает из своей сумки картонную коробку и заглядывает в нее. Там прячутся две куклы. Аня потихоньку кладет коробку на софу и накрывает свитером.

Глава 14

«Динь-динь-динь, извини-извини-извини», – жеманно вздыхает мельхиоровая ложечка, невзначай задевая стенки стакана. Танцующая струйка пара вырывается из горячих объятий чайного водоворота и исчезает под абажуром, оставляя на тонком стекле ожерелье мельчайшего капельного бисера.

Аня грустно рассматривает старинный подстаканник. Открытый учебник отложен в сторону. Глаза слезятся. Нос распух. Толстый колючий шарф противно кусает шею. И без сомнения, это он пробрался в горло и продолжает там кусать, жалить и скрести, вызывая сухой удушливый кашель.

В прихожей звонят.

Мягкие шаги Ксении Андреевны. Приглушенный шепот.

Через пару минут хозяйка осторожно заглядывает в комнату:

– Аннушка, к вам Олег.

Аня кивает.

– Анюта, привет! И как же тебя угораздило простудиться?

– Привет. Зима...

– И петь не можешь?

– Нет. Вот временно переключилась на изучение иностранных языков.

Олег берет открытую книгу:

– Почему французский?

– «Лакме», «Сказки Гофмана».

– А как же итальянский?

Аня достает из стопки на столе еще один учебник и молча показывает Олегу. Ее снова мучает кашель.

– Н-да. Все серьезно.

Приступ проходит.

– Ты лечишься?

– Да, Ксения Андреевна лучше любой сиделки. И докторов знакомых притащила, и зелья какие-то варит, и компрессы делает. Мне сейчас уже гораздо лучше. Представляешь, преподаватель буквально на днях предложила мне попробовать арию Царицы ночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.